

УДК 81'11

Научная статья

ББК 87.4

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Клюканов Игорь Энгелевич

Восточно-Вашингтонский университет,
Чини, США

Аннотация

В статье рассматриваются основные русские традиции теоретического осмысления коммуникации. Отмечается, что отечественные традиции теоретизирования коммуникации представляют научный интерес, поскольку в России различные аспекты коммуникации были предметом изучения на протяжении длительного времени, включая исследования в смежных предметных областях и прежде всего – в сфере гуманитарных наук. Отмечается также особая значимость сравнительных исследований, в которых проводятся параллели между отечественными и другими культурными традициями. Делается вывод, что подобные исследования помогут глубже понять генезис и развитие различных теорий, а также разработать более точные определения основополагающих понятий в области теории коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, информация, культура, традиции, контекст, сопоставительные исследования

Введение

Когда в качестве одной из причин дисциплинарного кризиса коммуникативистики отмечают то, что она включает «слишком много географии и слишком мало истории» [Peters 2012: 500], то под географией имеют в виду ее концептуальную территорию; действительно, коммуникативные исследования пытаются охватить слишком много различных вопросов. В последнее десятилетие, однако, все чаще отмечается децентрализация коммуникативных исследований, при этом все более распространенными становятся работы по «де-вестернизации» теории коммуникации [Waisbord 2016; Waisboar & Mellado 2014], ср. появление так называемых «геокультурных теорий» с их эмическим подходом к коммуникации [Wang 2014]. Таким образом, география приобретает буквальное – пространственное – значение.

Следует иметь в виду, что теоретизирование коммуникации с точки зрения географии – по сути, всего земного шара – требует времени. Между тем, хотя люди веками думали о природе коммуникации, история теории коммуникации как области исследования коротка. Отмечается, что «понятие теории коммуникации не старше 1940-х годов» [Peters 1999] и что в странах Восточной Европы и России изучение коммуникации и медиа является новой областью академических интересов [Jirak & Korplova 2008]. Тем не менее, хотя официальная история теории коммуникации в этих странах может быть короче, чем где-либо еще, коммуникация в них рассматривалась и осмыслялась на протяжении длительного времени, особенно если учитывать исследования в смежных предметных областях, не обозначенных как «теория коммуникации» или «коммуникативные исследования» [Cobley 1996]. В этом плане отечественные традиции теоретизирования коммуникации, несомненно, представляют научный интерес.

Иногда коммуникативную науку сравнивают с большой коллекцией матрешек, [Waisbord 2019]; это, однако, всего лишь метафорическое видение теории коммуникации как концептуальных территорий уменьшающегося размера, помещённых одна в другую, и не имеет ничего общего с отечественными научными взглядами на коммуникацию как таковыми. Ниже рассматриваются русские – в прямом смысле слова – традиции теоретического осмысления коммуникации. С этой целью мы обращаемся к широко известной и часто цитируемой статье Роберта Крейга «Теория коммуникации как область знания» [Craig 1999], в которой выделяются семь основных традиций, концептуально охватывающих процесс коммуникации как мета-дискурса, основанного на ежедневной коммуникативной практике и отражающей ее конститутивный характер.

Риторическая традиция. Данная традиция считается старейшей в осмыслении коммуникации и краеугольным камнем западных культурных и социальных институтов на протяжении более 2000 лет. В основе этой традиции лежит «Риторика» Аристотеля, где коммуникация представлена как практическое искусство дискурса. Можно найти множество взглядов на коммуникацию как предмет практики и обучения, которые развивают идеи классической риторики. В Международной Энциклопедии Коммуникации, например, можно найти статьи о риторике в Центральной и Восточной Европе (Польше, Чешской Республике, Словакии, Словении, Венгрии, Румынии и Болгарии) [Marin 2008], а также о риторике в Северной и Центральной Азии [Williams, Young 2008]. Остается только пожелать, чтобы в подобных публикациях, претендующих на всеобъемлющий охват, уделялось внимание и отечественным взглядам на коммуникацию с риторических позиций.

Известно, что слово «риторика» («риторика») впервые появляется на Руси уже в XII веке. Более того, в древнерусских текстах встречается около 20 слов, являющихся синонимами слова «риторика» [Аннушкин 2011]. В XVII веке Михаил Ломоносов пишет «Краткое Руководство к Красноречию», за которым следуют все новые и новые тексты по риторике. Ближе к концу XVIII века появляется новый термин – «словесность»; существующий наряду с «риторикой», он имеет широкий диапазон значений, включая литературу, фольклор и филологию [Аннушкин 2017]. «Словесность», наиболее часто переводимое на английский язык как «словесное искусство» (“verbal art”), имеет в России богатую историю исследований и преподавания, особенно в учебных программах по журналистике, которую Владимир Даль определил как «срочную словесность» [Даль 1956, том 1: 548].

Риторика и словесность продолжали изучаться в допетровский и ранний современный периоды российской истории [Lunde 2002]. После Октябрьской революции 1917 года стала расти роль риторики в сфере идеологической пропаганды; по большей части использование риторических принципов в Советском Союзе практиковалось и преподавалось профессиональными идеологическими кадрами Коммунистической партии [Hazen 2008]. Были, однако, исключения из такой диктатуры монологизма, наиболее значительным из которых был подход Михаила Бахтина к языку, осмысляющий общение как интересубъективный и морально-этический опыт. В дополнение к риторическим фигурам убеждения Бахтин подчеркивал важность милости к Другому, тем самым предвосхищая такие современные теории, как «Приглашающая риторика» с ее акцентом на создании пространства для развития отношений, основанных на равенстве [Foss & Griffin 1995]. Отмечается, что идеи Бахтина способствовали осмыслению коммуникации как процесса взаимного самообогащения, лежащего в основе межкультурной риторики [Zarpen 2012].

Следует отметить, что риторика пришла и развивалась в России в основном через (переведенные) тексты [Lunde 2002]. Одним из последствий этого для российской риторической теории и практики стал их «письменный», а не «устный» характер. Даже когда упоминаются «слуховая филология» или «звуковое слово», они обычно относятся к искусству декламации, например, к поэзии, основанной на письменных произведениях. В определенные периоды истории, тем не менее, устное слово в России было особенно важным; как показывает Стивен Ловелл в книге «Как Россия научилась говорить» [2020], между 1860 и 1930 годами, несмотря на попытки правительства сдерживать российских ораторов, появилось много площадок для публичных выступлений,

в том числе создание Государственной Думы [Lovell 2020]. При этом в России всегда было нелегко в полной мере использовать общение как практическое искусство устного дискурса. Русские, безусловно, любят поговорить и известны своими «разговорами по душам», что на английский язык обычно переводится как «soul talk» [Pesmen 2018]. С риторических позиций, однако, «говорение» следует понимать, скорее, не как «разговоры», а как «публичные выступления», ср. различие между ‘talking’ и (‘public’) ‘speaking’. В этом плане риторическая сила устного слова по-прежнему вызывает сопротивление и/или подозрение, а слово «риторика» часто несет отрицательные коннотации. Например, в 2003 году новый спикер Государственной Думы Борис Грызлов заявил, что она не является площадкой для политических баталий или защиты идеологий; впоследствии его заявление было превращено журналистами в лаконичную фразу: «Парламент – не место для дискуссий». До некоторой степени можно понять западных наблюдателей, которые находят в русской культуре антипатию к свободе слова и совещательной демократии [Lovell 2020]. Сегодня, впрочем, коммуникация в России привлекает все больше внимания ученых, включая не только письменное и профессиональное общение [Zemliansky, Amant 2016], но и публичные выступления [Kirillova et al. 2019].

Семиотическая традиция. Если еще полвека назад на Западе было распространено мнение, что наука о знаках «практически не существовала» в России до начала 20 века [Erlich 1969: 158], то в последнее время все чаще отмечается вклад России в глобальную семиотику наряду с работами французских, итальянских и англо-американских ученых [Kull et al. 2015]. Следует также помнить, что семиотические идеи в России активно разрабатывались и до советского периода [Почепцов 1998].

Большая часть отечественных семиотических исследований, связанных с теорией коммуникации, таких, как русский формализм Московского Лингвистического Кружка и Тартуско-Московская Школа, хорошо освещена в научных публикациях на английском языке [Freiberger-Sheikholeslami 1982; Hawkes 2003; Waldstein 2008]. Роман Якобсон – самый известный представитель первого – повлиял на общее развитие семиотики и представил оригинальную теорию коммуникации, признанную и широко распространенную на Западе [Lanigan 1991], тогда как Юрий Лотман – самый известный представитель второй – разработал свою модель коммуникации и понятие семиосферы, которое перекликается с концепцией знака Чарльза С. Пирса [Merrell 2008]. Лотман показал, что, хотя семиотика в России выросла на почве лингвистических и литературных исследований, она охватывает изучение всех форм коммуникации и культуры [Лотман 1990].

Особый интерес представляют исследования, проводящие параллели между семиотическими идеями отечественных ученых и представителями других культурных традиций. Например, теория Лотмана обсуждается в свете семиотического подхода Клиффорда Гирца к культуре, открывающего новые возможности для понимания взаимоотношений идеологических систем и практической политики [Zorin 2002]. Проводятся также параллели между идеями Джорджа Г. Мида и Бориса Успенского, вскрывая концептуальные связи между Теорией Символического Интеракционизма Чикагской школы и семиотическими исследованиями Тартуско-Московской школы [Nałas 2013]. Борис Успенский, возможно, более известен в англоязычных странах благодаря его сотрудничеству с другими учеными; однако его собственные оригинальные исследования, направленные на изучение природы коммуникации, все еще не полностью оценены международным академическим сообществом [Mazzali-Lurati 2014]. То же самое можно сказать об отечественных работах в области социальной семиотики, которые лишь сейчас получают освещение в англоязычных научных публикациях [Tul'chinskii 2021], а также об исследованиях современных ученых, изучающих взаимосвязи семиотики и семантики, ср. *Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, издаваемый Российским университетом дружбы народов (РУДН).

Феноменологическая традиция. В феноменологической традиции теории коммуникации, представленной в англоязычной научной литературе, имена отечественных ученых встречаются довольно редко. Между тем русские мыслители разработали весьма оригинальный «феноменологический проект», который представляет интерес для современных ученых, включая теоретиков коммуникации [Vykova 2016].

Густав Г. Шпет, пожалуй, один из немногих отечественных мыслителей, относительно известный на Западе благодаря его работам, доступным в английском переводе, и их научному анализу [Scanlan 1993]. Шпет интересовался отношениями между языком и сознанием, развивая в начале XX века оригинальный герменевтический подход к коммуникации, который он считал неотъемлемой частью феноменологии и таким образом предвосхищал герменевтическую феноменологию Ханса-Георга Гадамера. Другой мыслитель – менее известный потому, что он принадлежит, по выражению Кэрл Эмерсон, к «поколению, растративших своих философов» [Emerson 2004], – это Алексей Лосев, который сделал важный вклад в теорию языка, мифа и символа, разрабатывая оригинальную теорию «диалектической феноменологии» [Vykova 2016]. С именем Лосева также связывают создание коммуникативной теории «энергетического символизма» [Lyanda-Geller 2019].

Еще один мыслитель, о котором нельзя не сказать, это Мераб Мамардашвили, известный постоянным поиском истины путем философствования через диалог, в связи с чем его называли «грузинским Сократом» [Вукова 2019]. Мамардашвили глубоко интересовался онтологическими вопросами бытия и остро чувствовал все формы неаутентичности; его идеи поэтому иногда сравнивают с идеями Мартина Хайдеггера [Stafeska 2009]. Если в конце прошлого века лишь немногие ученые на Западе понимали, что Мамардашвили был одним из самых влиятельных мыслителей Советского Союза в области феноменологии и философии сознания [Emerson 1998], то сейчас его идеи привлекают все больше внимания в русле повышенного интереса к истории феноменологической мысли в восточно-европейских культурах [Vladiv-Glover 2010].

Сегодня в России существуют две основные феноменологические школы – гуссерлианская и хайдеггерианская [Вукова 2016]. Объем феноменологических исследований, которые так или иначе затрагивают различные аспекты коммуникации, продолжает расти и включает в себя исследования эстетического опыта [Chernavin & Yampolskaya 2019], взаимосвязи между культурной динамикой и генетической феноменологией, феноменологические основы медицинской антропологии [Феноменология сегодня 2010] и многое другое.

Кибернетическая традиция. Истоки этой традиции в теории коммуникации по праву связывают с работами таких ученых середины XX-го века, как Шеннон, Винер, фон Нейман и Тьюринг. В то же время отмечается, что история кибернетики середины XX-го века – или теория коммуникации в более общем смысле – является межкультурным достижением и поэтому должна рассматриваться не только в междисциплинарном, но и международном плане [Peters 2008]. В этом свете, хотя словосочетание «советская кибернетика» может звучать экзотично для западного уха [Peters 2008], его нельзя упускать из виду при обсуждении моделей коммуникации как обмена информацией [Mindell et al. 2003].

Советская кибернетика развивалась через переводы – как буквально, то есть через переводы ключевых работ западных мыслителей, так и в переносном смысле, то есть как концептуальное взаимодействие с их идеями. Например, как показывает Бенджамин Питерс, первые русские переводы Винера в конце 1950-х годов можно рассматривать как «сноску в истории коммуникативной мысли XX века», но эта «сноска, тем не менее, должна интересовать теоретиков коммуникации» [Peters 2008: 76]. Другие примеры того, что, возможно, является нечто большим, чем сноски, включают дальнейшую разработку концепции информации Шеннона, осуществленную Игорем Мельчуком

и Александром Жолковским в их формальной модели естественного языка, а также переформулировку Андреем Колмогоровым теории информации и теории вероятностей с точки зрения сложности, воспринятую математическим сообществом как «культурную революцию» [Mindell et al. 2003].

Главное различие между советской кибернетикой и ее западными аналогами заключается, скорее, не в типах моделей коммуникации или их применении, а в политическом и культурном значении кибернетических идей» [Mindell et al. 2003]. История советской кибернетики, которую когда-то называли «оружием империалистической идеологии», а затем воспринимали как «науку на службе коммунизма», полна иронических и даже скандальных поворотов научного языка и методологии исследований [Gerovitch 2001]. Следует помнить, таким образом, что кибернетика и теория информации оказались подвержены «идеологической податливости» [Mindell et al. 2003].

Социально-психологическая традиция. Русские мыслители внесли значительный вклад в понимание коммуникации как процесса социального поведения, опосредованного символами и различными психологическими факторами. Фактически, «опосредование» – одно из основных понятий в Теории Деятельности, основанной в первую очередь на идеях Льва Выготского, Александра Лурия и Алексея Леонтьева. Выготский первым подчеркнул важность языкового опосредования в развитии высших психических функций. Поскольку он подчеркивал обозначающую и обобщающую природу языка, идеи Выготского можно рассматривать как параллельные идеям Джорджа Г. Мида: оба мыслителя интересовались тем, как формируется социальный опыт, рассматривая данный процесс как интернализацию и экстернализацию символического значения. Теория Деятельности, основанная на понятии опосредования, рассматривает коммуникацию как сложную трехуровневую динамическую систему, в которой объединены познание, поведение и мотивация. Если когда-то эта теория была «хорошо охраняемым секретом в западных академических кругах» [Engeström, Miettinen 1999: 1], то теперь у нее есть множество последователей по всему миру, осуществляющих исследования в таких областях, как межличностное взаимодействие, организационная и образовательная среда, взаимодействие человека с компьютером, онлайн-сообщества и т.д. [Lektorsky 2019].

В дальнейшей разработке идей Теории Деятельности следует отметить особую роль Сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания Российской академии наук, который существует уже более полувека как один из центров изучения коммуникации в таких областях, как онтогенез языковой компетенции, порождение и восприятие речи и текста, этнические

аспекты коммуникации и др. [Ufimtseva 2014]. Сектор психолингвистики и теории коммуникации всегда тесно сотрудничал с учеными из многих российских городов и регионов; один из самых плодотворных таких примеров – Александра Александровна Залевская, не только самым активным образом поддерживавшая деятельность данного сектора, но и основавшая Тверскую школу психолингвистики, представители которой вот уже многие десятилетия занимаются изучением проблем, связанных с коммуникацией, таких, как проблемы семантики слова и текста, билингвизма, внутреннего лексикона, картины мира, межкультурной коммуникации и др. Идеи Александры Александровны Залевской постепенно распространяются в англо-язычных научных публикациях [Panassenko 2021; Vlasenko 2014], при этом более полное знакомство с ее работами и их оценка, несомненно, произойдут в самом недалеком будущем.

Следует отметить роль еще ряда ученых, которые разработали оригинальные теории, рассматривая общение не как простую передачу сообщений, а как сложную когнитивную деятельность. Так, Георгий Щедровицкий, лидер Московского методологического кружка, действовавшего во второй половине прошлого века, разрабатывал теорию мышления с позиций системно-деятельностных позиций, которая отличалась от классической Теории Деятельности [Rozin 2019] и имела основной целью стимулирование творческих методов познания и взаимодействия. Еще один ученый – Борис Ломов, который также рассматривал общение как базовую психологическую категорию, в то же время критически рассматривая проблемы деятельности в психологии. Он и его коллеги разработали обширную программу исследований того, как люди взаимодействуют, акцентируя внимание на различных психологических качествах, функциях и состояниях. Идеи этих ученых, хотя и менее известны на Западе, чем, например, работы Выготского, Лурия и Леонтьева, также важны для теоретического осмысления коммуникации. То же самое можно сказать и о более современных исследованиях российских ученых, в которых разрабатываются такие подходы, как, например, «лингвоперсонология» и «лингвоконцептология».

Социокультурная традиция. В центре внимания данной традиции находятся не психологические механизмы, влияющие на коммуникативное поведение; здесь акцент делается на общении как на процессе, в котором социальные взаимодействия и культурные события используются для (воссоздания) определенного символического порядка. Одним из ключевых в этой традиции является понятие «идентичность»; именно поэтому существуют многочисленные исследования взаимозависимости общества, культуры и коммуникации.

Эта традиция по праву связывается с идеями Льва Выготского [Tavassolie, Winsler 2018], однако можно упомянуть и другие отечественные направления изучения коммуникации, такие, например, как краеведение, лингвострановедение [Kurilla, Zhuravleva 2016] и лингвокультурология, которая, подобно лингвистической антропологии, уделяет больше внимания изучению взаимосвязей между культурой и языком [Mizin, Korostenski 2019]. Особо следует отметить культурологию, которая отличается от англо-американских «исследований культуры» (“cultural studies”) [Монин 2017]. Иногда на Западе культурология воспринимается как «отчаянный поиск общего синтезирующего подхода к разнообразию мира», полный «оценочных суждений, скрытых в совокупности псевдонаучных формулировок» [Laguette 2004: 28–29]. Многие как российские, так и западные ученые, однако, не согласились бы с таким пониманием культурологии, которую более правомерно рассматривать как представляющую «тип глобальной философии, стремящейся найти синтез культурной деятельности» [Remaud 2013: 152].

Критическая традиция. Данная традиция ориентирована на дискурсивную рефлексию, направленную на выявление и преодоление идеологических искажений, присущих коммуникативным практикам. Любой, кто знаком с историей России, знает, что она дает благодатную почву для осмысления коммуникации с этих позиций. Более того, истоки этой традиции ведут к «платоновской концепции диалектики Сократа» [Craig 1999: 146], а в России всегда были распространены идеи Платона, причем большинство отечественных мыслителей больше интересовались платоновской диалектикой, чем идеями Аристотеля. Сергей Аверинцев даже заметил, что «Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор» [Аверинцев 1996: 328]. Русские всегда любили размышлять и обсуждать идеи, особенно те, которые направлены на эмансипацию.

Учитывая сильную филологическую традицию в России, следует особо отметить вклад теоретиков культуры и литературы в осмысление коммуникации. Например, как было отмечено выше, Бахтин подчеркивал полифоничность текстов, моральное значение авторства и ответственности; в свою очередь Валентин Волошинов рассматривал словесные знаки как арену борьбы идеологии, ср. его известную работу «Марксизм и философия языка» [1929].

Необходимо также помнить, что критическая традиция коммуникации «является или, по крайней мере, пытается быть наиболее практичной теорией» [Craig 1999: 147]. В этом отношении критическое теоретизирование должно включать не только филологические исследования языка и текста, но и сам

дискурс, обращаясь к социальной несправедливости и призывающий к переменам. Работы последних лет показывают более глубокое понимание такой дискурсивной рефлексии, подчеркивая природу коммуникации как праксиса, ср. изучение роли интеллигенции в расширении коммуникационных пространств и круга участников публичного дискурса [Shalin 2018].

Выводы

Сделаем несколько выводов общего характера. Во-первых, как мы видим, большинство исследований, упомянутых выше, проведены в областях, не обозначенных как «теория коммуникации». Авторы этих работ – филологи, лингвисты, психологи, литературоведы, семиотики, культурологи, философы языка и др. Кроме того, в большинстве данных работ представлены не целостные «теории коммуникации», а исследования тех или иных аспектов и проблем, связанных с ее природой. Разумеется, это ни в коей мере не умаляет ценности данных идей.

Во-вторых, следует отметить, что до недавнего времени большинство отечественных мыслителей, внесших вклад в теорию коммуникации, не предпринимали активных попыток продвигать свои работы за рубежом по разным политическим, экономическим, социальным и другим причинам. К счастью, некоторые из мыслителей, такие как Бахтин, Выготский и Лотман, были открыты на Западе, их работы были переведены на разные языки и стали влиятельными во многих областях знания, включая теорию коммуникации. Сегодня российские ученые, изучающие коммуникацию, более активны на международной арене: они издают новые журналы, публикуют книги и статьи на разных языках, посещают международные научные конференции, становятся членами международных коммуникативных организаций и т. д.

В-третьих, отмечают, что на Западе коммуникация чаще всего осмысливается с социально-научных позиций, обычно на эмпирическом материале и с применением количественных методов исследования. В России же изучение коммуникации развивалось преимущественно в сфере гуманитарных наук; поэтому идеи отечественных теоретиков могут быть интересны и полезны для более полного осмысления коммуникации.

В-четвертых, надо отметить особую значимость сравнительных исследований, в которых проводятся параллели между отечественными традициями и другими культурными традициями. Примерами таких исследований являются упомянутые выше сравнения идей Мида и Выготского, Гирца и Лотмана. Еще одним примером может быть сравнение нарративной парадигмы, присутствующей в большинстве англоязычных текстов по теории

коммуникации, с нарратологией, которая, как отмечается, многим своими идеями обязана русским теоретикам и «в конечном итоге имеет русское происхождение» [Schmid 2010: Ix]. Подобные исследования помогут глубже понять генезис и развитие различных теорий, а также разработать более точные определения основополагающих понятий в области теории коммуникации.

В-пятых, особый интерес представляют идеи тех отечественных мыслителей, которые почти или вообще не известны за пределами России. Один из таких ученых – Юрий Рождественский, внесший оригинальный вклад в теорию коммуникации [Polski, Gorman 2012]. Между тем его работы только начинают переводиться на другие языки [Rozhdestvensky 2017]. Несколько лет назад в Лондоне была проведена конференция, посвященная исследованиям Рождественского в области лингвистики, риторики, теории коммуникации, семиотики, поэтики и нарратологии [Cobley 2017]. Еще один мыслитель – Владимир Биbihин, который не только редактировал и переводил работы Л. Витгенштейна, Х. Арндта, В. Гейзенберга, В. Дильтея, Х.-Г. Гадамер и Дж. Деррида, но и внес свой вклад в философское и филологическое изучение языка и коммуникации. Сейчас его идеи получают все более полное осмысление, ср. отдельный номер журнала *Stasis*, посвященный его наследию: *Vladimir Bibikhin and his Thought* (№1, 2015).

В-шестых, следует подчеркнуть, что произведения из одной культурной научной традиции нельзя просто перенести в другую культурную традицию; здесь нужно говорить о «переводимости». Вопросы перевода становятся особенно важными в контексте растущей глобализации академических культур и различных культурных традиций в области коммуникативных исследований [Waisbord 2016]. Распространяя идеи русских мыслителей в данной области на мировой академической арене, было бы целесообразно использовать богатые отечественные традиции в области перевода и практической подготовки переводчиков. Кроме того, такая деятельность будет более успешной, если процесс перевода осуществляется совместными усилиями русских переводчиков и их коллег из других стран.

В-седьмых, необходимо помнить, что в теоретизировании коммуникации важную роль играет контекст (политический, идеологический, экономический и т.д.), ср. развитие кибернетических идей в Советском Союзе, о чем говорилось выше. Отдельный интерес представляет исторический контекст, особенно учитывая длительную и богатую историю России в плане коммуникативных практик и их теоретизирования. В качестве примеров можно привести работы, изучающие влияние русского христианства на динамику общения и отлучения [Spock, et al 2016], реконструкцию речевого образа средневекового дипломата

с использованием аппарата прагматической лингвистики [Murugova, Myasishev 2019], получение информации во время прогулки в начале XIX века по Невскому проспекту [Bowers 2017], роль бересты в древней Руси [Schaeken 2018] и др.

В-восьмых, следует иметь в виду, что теория коммуникации включает в себя не только объяснение и понимание природы коммуникации, но и коммуникаций, то есть потоков информации, которые распространяются различными средствами массовой информации. Развитию России как одной из крупнейших империй способствовали различные формы коммуникаций и информационных технологий, например, механизмы получения иностранных новостей, коммуникационные сети, такие, как почтовая служба, и формирование публичной графосферы [Franklin, Bowers 2017]. Сегодня особое внимание ученых привлекают перспективы использования новых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в современной экономике [Popkova, Ostrovskaya 2019], а также в области глобальных коммуникаций и транснациональных исследований [Byford, et al 2020)].

В-девятых, в свете растущей коммуникативной мобильности, изменчивости и гибридности, необходимо иметь в виду широту значения термина «русский», которое зависит от лингвистических, культурных, экономических, исторических, этнических и политических факторов [Cheskin, Kachuyevski 2018]. Так, «русский» можно понимать в значении «коренной житель или гражданин России», но может означать и «лицо русского происхождения» или «лицо, имеющее отношение к России, ее народу или их языку». В последнем случае необходимо учитывать культурную самоидентификацию. Например, Романа Якобсона обычно называют русско-американским лингвистом и литературоведом или американским лингвистом русского происхождения и знатоком славянства; однако сам он себя считал русским филологом, и слова RUSSKIJ FILOLOG выгравированы на его надгробье. Таким образом, обсуждая вклад России в теорию коммуникации, мы не можем игнорировать «существование русскоязычных и/или диаспорных идентичностей, или даже сильных групповых идентичностей любого типа» [Cheskin, Kachuyevski 2018: 2]. Примеры включают русскоязычную диаспорную журналистику, которая играет заметную роль в меняющемся коммуникативном ландшафте [Voronova, et al 2019], русскоязычных специалистов, пишущих на других языках, двуязычные сборники академических трудов [Ioffe, et al 2018] и академические журналы, которые не только объединяют различные культурные традиции коммуникативного обучения, но и обсуждают проблематику работы с русскоязычными материалами и вопросы перевода [Ermolaev, Gleissner 2016].

В заключение важно помнить, что потенциал для развития теории коммуникации зависит от продуктивного аргументированного диалога различных традиций, при этом важными являются самые разные формы коммуникативной практики, включая научные работы, преподавание, перевод и другую творческую деятельность. Посредством различных практик и концепций, взятых из разных культурных традиций, область теории коммуникации «может быть обогащена или, возможно, даже фундаментально преобразована» [Craig 2007: 256].

© Клюканов И.Э., 2021

Литература

Аверинцев С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 319–367.

Аннушкин В. История русской риторики. М.: Флинта, 2011. 416 с.

Аннушкин В. Филология – словесность – риторика – культура речи: к уточнению терминов и содержания данных наук // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. М., 2017. С. 15–22.

Волошинов В. Марксизм и философия языка. Л.: «Прибой», 1929. 157 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1956.

Монин М. Культурология и/или Cultural studies // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017, №1. С. 78–84.

Почепцов Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М.: Издательство «Лабиринт», 1998. 336 с.

Феноменология сегодня: Взгляд из России // Logos 5(78), 2010. Режим доступа: https://platon.net/load/zhurnaly_po_filosofii/logos/logos_2010_5_78_fenomenologija_segodnja_vzgljad_iz_rossii/68-1-0-4669. Дата обращения: 21.03.2020.

Bowers K. Experiencing Information: An Early Nineteenth-Century Stroll Along Nevskii Prospekt // S. Franklin & K. Bowers (Eds.), Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850. Cambridge, UK: Open Book Publishers., 2017. P.369–407.

Byford A. et al. (Eds.). Transnational Russian Studies. Liverpool, UK: Liverpool University Press. 2020.

Bykova M. On the Phenomenological Philosophy in Russia // *Russian Studies in Philosophy*, 2016, 54(1). P. 1–7.

Bykova M. Merab Mamardashvili and His Philosophical Calling // *Studies in East European Thought*, 2019, 71. P. 16–172.

Chernavin G. & Yampolskaya A. ‘Estrangement’ in Aesthetics and Beyond: Russian Formalism and Phenomenological Method // *Continental Philosophy Review*, 2019, 52(1). P. 91–113.

Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity // *Europe Asia Studies*, 2018, 71(1). P. 1–23.

Cobley P. Introduction // P. Cobley, P. (Ed.), *The Communication Theory Reader*. London and New York: Routledge, 1996. P. 1–36.

Cobley P. Rozhdestvensky and Communication Theory, 2017. <https://sas-space.sas.ac.uk/6650/1/Cobley%20Rozhdestvensky%20Communication%20Theory.pdf> Accessed March 21, 2020.

Craig R. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*, 1999, 9(2). P. 119–161.

Emerson C. Mamardashvili, Merab Konstantinovich (1930–90) // *The Routledge Encyclopedia of Philosophy Online*. Taylor and Francis, 1998. <https://www.rep.routledge.com/articles/biographical/mamardashvili-merab-konstantinovich-1930-90/v-1>. doi:10.4324/9780415249126-E028-1 Accessed March 22, 2020.

Emerson C. On the Generation that Squandered its Philosophers (Losev, Bakhtin, and Classical Thought as Equipment for Living) // *Studies in East European Thought*, 2004, 56. P. 95–117.

Emerson C. Review of: Maxim Waldstein, *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. *Kritika*, 2008, 12(1). <https://go.gale.com/ps/anonymous?id=GALE%7CA250032738&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=1531023X&p=AONE&sw=w> Accessed April 5, 2020.

Emerson C. *Russian Critical Theory* // E. Dobrenko & M. Balina (Eds.), *The Cambridge Companion to Twentieth-century Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 269–288.

Engeström Y. & Miettinen R. Introduction // Y. Engeström, et al., (Eds.), *Perspectives on Activity Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–16.

Erlich V. *Russian Formalism: History-doctrine*. The Hague: Mouton, 1969

Ermolaev N. & Gleissner P. The Digital Émigré: Russian Periodical Studies and DH in the Slavic Fields // *Digital Humanities 2016: Conference Abstracts*. Jagiellonian University & Pedagogical University, Kraków, 2016. P. 786–787.

Foss S. & Griffin C. Beyond Persuasion: A Proposal for an Invitational Rhetoric // *Communication Monographs*, 1995, 62(1); P. 2–18.

Franklin S. & Bowers K. (Eds.), *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017.

Freiberger-Sheikholeslami E. Forgotten Pioneers of Soviet Semiotics // *M. Herzfeld et. al.*, (Eds.), *Semiotics 1980*. New York, London: Plenum, 1982. P. 155–163.

Gerovitch S. ‘Russian Scandals’: Soviet Readings of American Cybernetics in the Early Years of the Cold War // *The Russian Review*, 2001, 60(4). P. 545–568.

Halas E. The Past in the Present. Lessons on Semiotics of History from George H. Mead and Boris A. Uspensky // *Symbolic Interaction*, 2013, 36(1). P. 60–77.

Hazen M. Thoughts on the Development of the Communication Discipline in the United States and Russia // *Russian Journal of Communication*, 2008, 1(4). P. 455–475.

Holland D. & Lachicotte W. Vygotsky, Mead, and the New Sociocultural Studies of Identity // *H. Daniels, M. et al.*, (Eds.), *The Cambridge Companion to Vygotsky*. Cambridge University Press, 2007. P. 101–135.

Ioffe, D. et al., (Eds.). *A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky*. Brighton, US: Academic Studies Press, 2018.

Jirak J. & Kopplova B. Communication as an Academic Field: Eastern Europe and Russia // *W. Donsbach* (Ed.), *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford: Blackwell, 2008. P. 609–614.

Kirillova N. et al. Public Speaking Skills in Educational Space: Russian Traditions and Americanized Approach // *Amazonia Investiga*, 2019, 8(21). P. 617–632.

Kull K. et al. A Hundred Introductions to Semiotics, for a Million Students: Survey of Semiotics Textbooks and Primers in the World // *Sign Systems Studies*, 2015, 43(2/3). P. 281–346.

Kurilla I., Zhuravleva V. (Eds.). *Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia*. Lanham, MD: Lexington Books., 2016.

Lanigan R. *Roman Jakobson’s Semiotic Theory of Communication*, 1991. <https://eric.ed.gov/?id=ED355570> Accessed March 7, 2020.

Laruelle M. The Discipline of Culturology: A New ‘Ready-made Thought’ for Russia // *Diogenes*, 2004, 204. P. 21–36.

Lektorsky V. The Activity Approach in Soviet Philosophy and Contemporary Cognitive Studies // *V. Lektorsky & M. Bykova* (Eds.), *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. New York, NY: Bloomsbury Academic, 2019. P. 209–224.

Lotman Yu. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990.

Lovell St. How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860-1930. Oxford, UK: Oxford University Press, 2020.

Lunde I. Text and Theory: Reflections on the History of Rhetoric in Pre-Petrine Russia // P. Harsting & S. Ekman (Eds.) Ten Nordic Studies in the History of Rhetoric, vol.1. Copenhagen: NNRH, 2002. P. 11–26.

Lyanda-Geller O. Losev, Aleksei // *Filosofia: An Encyclopedia of Russian Thought*. February 2019, 2019. <http://filosofia.dickinson.edu/encyclopedia/losev-aleksei/> Accessed April 23, 2020.

Marin N. Rhetoric in Eastern Europe // W. Donsbach (Ed.), *The International Encyclopedia of Communication*, 2008. <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr045> Accessed January 4, 2020.

Mazzali-Lurati S. Boris Uspenskij and the Semiotics of Communication: An Essay and an Interview // *Semiotica*, 2014, 199(1/4). P. 109–124.

Merrell F. Lotman's Semiosphere, Peirce's Signs, and Cultural Processes // *Russian Journal of Communication*, 2008, 1(4). P. 372–400.

Mindell D. et al. From Communications Engineering to Communications Science: Cybernetics and Information Theory in the United States, France, and the Soviet Union // M. Walker (Ed.), *Science and Ideology: A Comparative History*. London and New York: Routledge, 2003. P. 66–96.

Mizin K. & Korostenski J. 'Western' Cultural Linguistics and 'Post-Soviet' Linguoculturology: Causes of Parallel Development // *Лінгвістичні Студії*, 2019. 37. P. 7–13.

Murugova, E & Myasishev G. International Communication of the Ancient Russian State (Pragmalinguistic Aspect) // SHS Web Conf., 2019, 69. P. 1-5. https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/10/shsconf_cildiah2019_00074.pdf Accessed March 22, 2020.

Panasenko, N. Cognitive Linguistics and Phytonimic Lexicon // W. Xu & J. Taylor (Eds.), *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. London and New York: Routledge, 2021. P. 585–598.

Pesmen, D. Russia and soul: An exploration. Ithaca: Cornell University Press, 2000.

Peters B. Betrothal and Betrayal: The Soviet Translation of Norbert Wiener's Early Cybernetics // *International Journal of Communication*, 2008, 2. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/212> Accessed February 23, 2020.

Peters B. Normalizing Soviet Cybernetics // *Information & Culture*, 2012, 47(2). P. 145–175.

Peters J. Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999.

Peters J. Afterword: Doctors of Philosophy // J. Hannan (Ed.), Philosophical Profiles in the Theory of Communication. New York, NY: Peter Lang, 2012. P. 499–510.

Polski M., Gorman L. Yuri Rozhdstvensky vs. Marshall McLuhan: A Triumph vs. a Vortex // Explorations in Media Ecology, 2012, 10(3-4). P. 263–278.

Popkova E., Ostrovskaya V. (Eds.). Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy // Cham, Switzerland: Springer, 2019.

Remaud O. On Vernacular Cosmopolitanisms, Multiple Modernities, and the Task of Comparative Thought // M. Freeden & A. Vincent (Eds.), Comparative Political Thought: Theorizing Practices. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2013. P. 141–157.

Rozin V. Georgy Shchedrovitsky's Concept of Activity and Thought-activity // *Lekstorsky V. & Bykova M.* (Eds.), Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad. New York, NY: Bloomsbury Academic., 2019. P. 245–258.

Scanlan J. Phenomenology in Russia: The Contribution of Gustav Shpet // *Man and World*, 1993, 26. P. 467–475.

Schaeken J. Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia. Leiden; Boston: Brill, 2018.

Schmid W. Narratology: An Introduction. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2010.

Shalin D. Communication, Democracy, and Intelligentsia // *Russian Journal of Communication*, 2018, 10(2-3). P. 110–146.

Spock J. et al. (Eds.). The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2016.

Stafecka M. Understanding as Being: Heidegger and Mamardashvili // *A. Tymieniecka* (Ed.). Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century. *Analecta Husserliana*, 2009, 103. Dordrecht: Springer

Tavassolie T., Winsler A. Vygotsky's Sociocultural Theory // *M. Bornstein* (Ed.), *The SAGE Encyclopedia of Lifespan Human Development*. 2018. <http://dx.doi.org/10.4135/9781506307633.n858> Accessed January 17, 2020.

Tulchinskii G. Social Semiotics: Communicative and Socio-cultural Practices. The Russian-speaking Contribution to the Development of Social Semiotics in 1970–2000s // *Russian Journal of Communication*, 2021. 10.1080/19409419.2021.1972829 Accessed January 12, 2020.

Ufimtseva N. Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication // *Intercultural Communication Studies*, 2014, 13. P. 1–14.

Vladiv-Glover S. Poststructuralism in Georgia // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 2010, 15(3). P. 27–39.

Vlasenko S. Minimal Unit of Legal Translation vs. Minimal Unit of Thought // L. Cheng, K. Kui Sin & A. Wagner (Eds.), *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Routledge: London and New York, 2014. P. 89–120.

Voronova O. et al. Russophone Diasporic Journalism: Production and Producers in the Changing Communicative Landscape // K. Smets et al. (Eds.), *The SAGE Handbook of Media and Migration*. London: Sage Publications, 2019. P. 258–271.

Waisbord S. Communication Studies Without Frontiers? Translation and Cosmopolitanism Across Academic Cultures // *International Journal of Communication*, 2016, 10. P. 868–886.

Waisbord S. Communication. A Post-discipline. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2019.

Waisbord S., Mellado C. De-westernizing Communication Studies: A Reassessment // *Communication Theory*, 2014, 24. P. 361–372.

Waldstein M. The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2008.

Wang G. Culture, Paradigm, and Communication Theory: A Matter of Boundary or Commensurability // *Communication Theory*, 2014, 24(4). P. 373–393.

Wiedemann Th., Meyen M. Internationalization through Americanization: The Expansion of the International Communication Association's Leadership to the World // *International Journal of Communication*, 2016, 10. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/4504> Accessed April 21, 2020.

Williams D. & M. Young. Rhetoric in Northern and Central Asia // W. Donsbach (Ed.). *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford: Blackwell, 2008. <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr064> Accessed April 21, 2020.

Zappen J. US and Russian Traditions in Rhetoric, Education and Culture // *Journal of Curriculum Studies*, 2012, 44(6). P. 745–760.

Zemliansky P., Amant K. (Eds.). *Rethinking Post-Communist Rhetoric. Perspectives on Rhetoric, Writing, and Professional Communication in Post-Soviet Spaces*. Lanham, MD: Lexington Books, 2016.

Zorin A. Ideology, Semiotics, and Clifford Geertz: Some Russian Reflections // *History and Theory*, 2002, 40(1). P. 57–73.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.09.2021

Дата принятия к печати: 25.12.2021

Сведения об авторе:

Клюканов Игорь Ангелевич – доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативных исследований Восточно-Вашингтонского университета, Чини, США

Контактная информация:

Cheney, WA, USA, 99004

ORCID: 0000-0003-2240-0980

e-mail: igorklyukanov@yahoo.com

Для цитирования:

Клюканов И.Э. Отечественные традиции теории коммуникации // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 12–37. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37

UDC 81'11

LBC 87.4

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37

Research article

RUSSIAN TRADITIONS OF COMMUNICATIVE THEORY

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, Cheney, USA

Annotation

The article examines the main Russian traditions of theoretical understanding of communication. It is noted that the domestic traditions of theorizing of communication are of scientific interest, since in Russia various aspects of communication have been the subject of study for a long time, including research in related subject areas and, above all, in the humanities. The special significance of comparative studies which draw parallels between Russian traditions and other cultural traditions is also noted. It is concluded that such studies will provide for better understanding of the genesis and development of various theories, as well as to develop more precise definitions of the fundamental concepts in the field of communication theory.

Keywords: communication, information, culture, traditions, context, comparative research

References

Annushkin, V. (2011) *Istoriya russkoi ritoriki* [A History of Russian Rhetoric]. Moscow, Flinta Publ. 416 P. (in Russian)

Annushkin, V. (2017) Filologiya – slovesnost' – ritorika – kul'tura rechi: k utochneniyu terminov i sodержaniya dannykh nauk [Philology – Literature – Rhetoric – Speech Culture: Toward Clarifying the Terms and Content of These Sciences]. In: *Rhetoric and Speech Culture in Modern Scientific Pedagogical Process and Socio- Communicative Practice: Proceedings of the 21st International Scientific Conference on Rhetoric, 1-3 February 2017*. Moscow, pp. 15–22. (in Russian)

Averitsev, S. (1996) Khristianskii aristotelizm kak vnutrennaya forma zapadnoi traditsii i problem sovremennoi Rossii [Christian Aristotelianism as an Inner Form of the Western Tradition and Problems of Modern Russia]. In: *Ritorika i istoki evropeiskoi kul'turnoi traditsii* [Rhetoric and the Origins of the European Cultural Tradition]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, pp. 319–367. (in Russian)

Bowers, K. (2017) Experiencing Information: An Early Nineteenth-Century Stroll Along Nevskii Prospekt. In: S. Franklin & K. Bowers (Eds.), *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, pp. 369–407.

Byford, A., et al. (Eds.). (2020) *Transnational Russian Studies*. Liverpool, UK, Liverpool University Press.

Bykova, M. (2016) On the Phenomenological Philosophy in Russia. *Russian Studies in Philosophy*, 54(1), 1–7. (in Russian)

Bykova, M. (2019) Merab Mamardashvili and His Philosophical Calling. *Studies in East European Thought*. 71, 169–172. (in Russian)

Chernavin, G. & Yampolskaya, A. (2019) ‘Estrangement’ in Aesthetics and Beyond: Russian Formalism and Phenomenological Method. *Continental Philosophy Review*. 52(1), 91–113. (in Russian)

Cheskin, A. & Kachuyevski, A. (2018) The Russian-speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. *Europe Asia Studies*. 71(1), 1–23. (in Russian)

Cobley, P. (1996) Introduction. In: Cobley, P. (Ed.) *The Communication Theory Reader*. London and New York: Routledge, pp. 1–36.

Cobley, P. (2017) *Rozhdestvensky and Communication Theory*. Available from: <https://sas-space.sas.ac.uk/6650/1/Cobley%20Rozhdestvensky%20Communication%20Theory.pdf> [Accessed 21st March 2020].

Craig, R. (1999) Communication Theory as a Field. *Communication Theory*. 9(2), 119–161.

Dal', V. (1956) *Tolkovyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: V 4 Tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Moscow, "Russkii Yazyk". (in Russian)

Emerson, C. (1998) Mamardashvili, Merab Konstantinovich (1930–90). In: *The Routledge Encyclopedia of Philosophy Online*. Taylor and Francis. Available from: <https://www.rep.routledge.com/articles/biographical/mamardashvili-merab-konstantinovich-1930-90/v-1>. doi:10.4324/9780415249126-E028-1 [Accessed 22nd March 2020].

Emerson, C. (2004) On the Generation that Squandered its Philosophers (Losev, Bakhtin, and Classical Thought as Equipment for Living). *Studies in East European Thought*. 56, 95–117.

Emerson, C. (2008) Review of: Maxim Waldstein, *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. *Kritika*. 12(1). Available from: <https://go.gale.com/ps/anonymous?id=GALE%7CA250032738&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=1531023X&p=AONE&sw=w> [Accessed 5th April 2020].

Emerson, C. (2011) Russian Critical Theory. In: E. Dobrenko & M. Balina (Eds.) *The Cambridge Companion to Twentieth-century Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 269–288.

Engeström, Y. & Miettinen, R. (1999) Introduction. In: Y. Engeström, et al., (Eds.) *Perspectives on Activity Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–16.

Erlich, V. (1969) *Russian Formalism: History-doctrine*. The Hague, Mouton.

Ermolaev, N. & Gleissner, P. (2016) The Digital Émigré: Russian Periodical Studies and DH in the Slavic Fields. In: *Digital Humanities 2016: Conference Abstracts*. Jagiellonian University & Pedagogical University. Kraków, pp. 786–787.

Fenomenologiya segodnya: Vzglyad iz Rossii [Phenomenology Today: A View from Russia (2010)]. *Logos* 5(78). Available from: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/logos/logos_2010_5_78_fenomenologija_segodnja_vzgljad_iz_rossii/68-1-0-4669. [Accessed 21st March 2020]. (in Russian)

Foss, S., Griffin, C. (1995) Beyond Persuasion: A Proposal for an Invitational Rhetoric. *Communication Monographs*. 62(1), 2–18.

Franklin, S. & Bowers, K. (Eds.) (2017), *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850*. Cambridge, UK, Open Book Publishers.

Freiberger-Sheikholeslami, E. (1982) Forgotten Pioneers of Soviet Semiotics. In: M. Herzfeld et al., (Eds.), *Semiotics 1980*. New York, London, Plenum, 155–163.

Gerovitch, S. (2001) 'Russian Scandals': Soviet Readings of American Cybernetics in the Early Years of the Cold War. *The Russian Review*. 60(4), 545–568.

Halas, E. (2013) The Past in the Present. Lessons on Semiotics of History from George H. Mead, B.A. Uspensky. *Symbolic Interaction*. 36(1), 60–77.

Hazen, M. (2008) Thoughts on the Development of the Communication Discipline in the United States and Russia. *Russian Journal of Communication*. 1(4), 455–475.

Holland, D. & Lachicotte, W. (2007) Vygotsky, Mead, and the New Sociocultural Studies of Identity. In: H. Daniels, M. et al., (Eds.), *The Cambridge Companion to Vygotsky*. Cambridge University Press, pp. 101–135.

Ioffe, D. et al., (Eds.) (2018). *A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky*. Brighton, US, Academic Studies Press.

Jirak, J. & Kopplova, B. (2008) Communication as an Academic Field: Eastern Europe and Russia. W. Donsbach (Ed.). *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford, Blackwell, P. 609–614.

Kirillova, N., et al. (2019) Public Speaking Skills in Educational Space: Russian Traditions and Americanized Approach. *Amazonia Investiga*. 8(21), 617–632.

Kull, K., et al. (2015) A Hundred Introductions to Semiotics, for a Million Students: Survey of Semiotics Textbooks and Primers in the World. *Sign Systems Studies*. 43(2/3), pp. 281–346.

Kurilla, I., Zhuravleva, V. (Eds.). (2016) Russian/Soviet Studies in the United States. In: *Amerikanistika in Russia*. Lanham, MD, Lexington Books.

Lanigan, R. (1991) Roman Jakobson's Semiotic Theory of Communication. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED355570> [Accessed 7th March 2020].

Laruelle, M. (2004) The Discipline of Culturology: A New 'Ready-made Thought' for Russia. *Diogenes*. 204, 21–36.

Lektorsky, V. (2019) The Activity Approach in Soviet Philosophy and Contemporary Cognitive Studies. In: V. Lektorsky & M. Bykova (Eds.), *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. New York, NY, Bloomsbury Academic, pp. 209–224.

Lotman, Yu. (1990) *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press.

Lovell, St. (2020) *How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860-1930*. Oxford, UK, Oxford University Press.

Lunde, I. (2002) Text and Theory: Reflections on the History of Rhetoric in Pre-Petrine Russia. In: P. Harsting & S. Ekman (Eds.) *Ten Nordic Studies in the History of Rhetoric, vol. I*. Copenhagen, NNRH. pp. 11–26.

Lyanda-Geller, O. Losev, Aleksei. In: *Filosofia: An Encyclopedia of Russian Thought. February 2019*. Available from: <http://filosofia.dickinson.edu/encyclopedia/losev-aleksei/> [Accessed 23d April 2020].

Marin, N. (2008) Rhetoric in Eastern Europe. In: W. Donsbach (Ed.) *The International Encyclopedia of Communication*. Available from: <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr045> [Accessed 4th January 2020].

Mazzali-Lurati, S. (2014) Boris Uspenskij and the Semiotics of Communication: An Essay and an Interview. *Semiotica*. 199(1/4), 109–124.

Merrell, F. (2008) Lotman's Semiosphere, Peirce's Signs, and Cultural Processes. *Russian Journal of Communication*. 1(4), 372–400.

Mindell, D., et al. (2003) From Communications Engineering to Communications Science: Cybernetics and Information Theory in the United States, France, and the Soviet Union. In: M. Walker (Ed.) *Science and Ideology: A Comparative History*. London and New York, Routledge, pp. 66–96.

Mizin, K., Korostenski, J. (2019) 'Western' Cultural Linguistics and 'Post-Soviet' Linguoculturology: Causes of Parallel Development. *Linguistic studies*. 37, 7–13.

Monin, M. (2017) Kul'turologiya i/li Cultural studies [Culturology and / or Cultural studies]. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. 1, 78–84. (in Russian)

Murugova, E., Myasishev, G. (2019) International Communication of the Ancient Russian State (Pragmalinguistic Aspect). *SHS Web Conf*. 69, 1-5. Available from: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/10/shsconf_cildiah2019_00074.pdf [Accessed 22nd March 2020].

Panasenko, N. (2021) Cognitive Linguistics and Phytonimic Lexicon. In: W. Xu & J. Taylor (Eds.) *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. London and New York, Routledge, pp. 585–598.

Pesmen, D. (2000) *Russia and soul: An exploration*. Ithaca, Cornell University Press.

Peters, B. (2008) Betrothal and Betrayal: The Soviet Translation of Norbert Weiner's Early Cybernetics. *International Journal of Communication*. 2. Available from: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/212> [Accessed 23^d February 2020].

Peters, B. (2012) Normalizing Soviet Cybernetics. *Information & Culture*. 47(2), 145–175.

Peters, J. (1999) *Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication*. Chicago, IL, The University of Chicago Press.

Peters, J. (2012) Afterword: Doctors of Philosophy. In: J. Hannan (Ed.) *Philosophical Profiles in the Theory of Communication*. New York, NY, Peter Lang, pp. 499–510.

Pocheptsov, G. (1998) *Istoriya russkoi semiotiki do i posle 1917 goda* [History of Russian semiotics before and after 1917]. Moscow Publishing house "Labyrinth". 336 p. (in Russian)

Polski, M. & Gorman, L. (2012) Yuri Rozhdestvensky vs. Marshall McLuhan: A Triumph vs. a Vortex. *Explorations in Media Ecology*. 10(3-4), 263–278.

Popkova, E., Ostrovskaya, V. (Eds.). (2019) *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. Cham, Switzerland, Springer.

Remaud, O. (2013) On Vernacular Cosmopolitanisms, Multiple Modernities, and the Task of Comparative Thought. In: M. Freeden & A. Vincent (Eds.) *Comparative Political Thought: Theorizing Practices*. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, pp. 141–157.

Rozin, V. (2019) Georgy Shchedrovitsky's Concept of Activity and Thought-activity. In: Lekstorsky V. & Bykova M. (Eds.) *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. New York, NY, Bloomsbury Academic, pp. 245–258.

Scanlan, J. (1993) Phenomenology in Russia: The Contribution of Gustav Shpet. *Man and World*. 26, 467–475.

Schaeken, J. (2018) *Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia*. Leiden; Boston, Brill.

Schmid, W. (2010) *Narratology: An Introduction*. Berlin/New York, Walter de Gruyter.

Shalin, D. (2018) Communication, Democracy, and Intelligentsia. *Russian Journal of Communication*. 10(2–3), 110–146.

Spock J. et al. (Eds.). *The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture*. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2016.

Stafecka, M. (2009) Understanding as Being: Heidegger and Mamardashvili. In: A. Tymieniecka (Ed.) *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century*. *Analecta Husserliana*. 103. Dordrecht, Springer.

Tavassolie, T., Winsler, A. (2018) Vygotsky's Sociocultural Theory. In: M. Bornstein (Ed.) *The SAGE Encyclopedia of Lifespan Human Development*. Available from: <http://dx.doi.org/10.4135/9781506307633.n858> [Accessed 17th January 2020].

Tulchinskii, G. (2021) Social Semiotics: Communicative and Socio-cultural Practices. The Russian-speaking Contribution to the Development of Social Semiotics in 1970–2000s. *Russian Journal of Communication*. Available from: 10.1080/19409419.2021.1972829 [Accessed 12th January 2020].

Ufimtseva, N. (2014) Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication. *Intercultural Communication Studies*. 13, 1–14.

Vladiv-Glover, S. (2010) Poststructuralism in Georgia. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. 15(3), 27–39.

Vlasenko, S. (2014) Minimal Unit of Legal Translation vs. Minimal Unit of Thought. L. Cheng, K. Kui Sin & A. Wagner (Eds.) *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Routledge, London and New York, pp. 89–120.

Voloshinov, V. (1929) *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and Philosophy of Language]. Leningrad, “Priboy” Publ. 157 p. (in Russian)

Voronova, O. et al. (2019) Russophone Diasporic Journalism: Production and Producers in the Changing Communicative Landscape. In: K. Smets et al. (Eds.) *The SAGE Handbook of Media and Migration*. London, Sage Publications, pp. 258–271.

Waisbord, S. (2016) Communication Studies Without Frontiers? Translation and Cosmopolitanism Across Academic Cultures. *International Journal of Communication*, 10, 868–886.

Waisbord, S. (2019) *Communication. A Post-discipline*. Cambridge, UK; Malden, MA, Polity.

Waisbord, S., Mellado, C. (2014) De-westernizing Communication Studies: A Reassessment. *Communication Theory*. 24, 361–372.

Waldstein, M. (2008) *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken, VDM Verlag Dr. Müller.

Wang, G. (2014) Culture, Paradigm, and Communication Theory: A Matter of Boundary or Commensurability. *Communication Theory*. 24(4), 373–393.

Wiedemann, Th. & Meyen, M. (2016) Internationalization through Americanization: The Expansion of the International Communication Association’s Leadership to the World. *International Journal of Communication*. 10. Available from: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/4504> [Accessed 21st April 2020].

Williams, D., Young, M. (2008) Rhetoric in Northern and Central Asia. W. Donsbach (Ed.) *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford, Blackwell. Available from: <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr064> [Accessed 21st April 2020].

Zappen, J. (2012) US and Russian Traditions in Rhetoric, Education and Culture. *Journal of Curriculum Studies*. 44(6), 745–760.

Zemliansky, P., Amant, K. (Eds.). (2016) *Rethinking Post-Communist Rhetoric. Perspectives on Rhetoric, Writing, and Professional Communication in Post-Soviet Spaces*. Lanham, MD, Lexington Books.

Zorin, A. (2002) Ideology, Semiotics, and Clifford Geertz: Some Russian Reflections. *History and Theory*. 40(1), 57–73.

Article history:

Received: 25.09.2021

Accepted: 25.12.2021

Bionotes:

Igor E. Klyukanov – Professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

Contact information:

Cheney, WA, USA, 99004

ORCID: 0000-0003-2240-0980

e-mail: igorklyukanov@yahoo.com

For citation:

Klyukanov I. E. (2021) Russian traditions in the theory of communication. *Journal of Psycholinguistics*. 4 (50), pp. 12–37. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37 (in Russian)